

описанный пример использования лопатки, которая, таким образом, выступала как маркер, фиксировавший социальную дифференциацию в Абжуйской Абхазии.

Библиография

Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.

Е.И. Кобахидзе

ВЛАСТЬ ИЛИ БОГАТСТВО? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО МОТИВА В СКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ОСЕТИН

Речь пойдет о мотиве воцарения, достаточно распространенном в европейской волшебной сказке и получившем своеобразное отражение в осетинском фольклоре. Анализ способов и вариаций его развития здесь дает основания для ряда выводов социального свойства, возможных в случае рассмотрения волшебной сказки как символического отражения исторической памяти, в которой тесно переплелись элементы мифологического и обыденного сознания.

Классическая европейская волшебная сказка представляет законченную парадигму воцарения с сюжетно и композиционно завязанными между собой структурными звеньями: «трудные задачи», брак с царевной и собственно воцарение, в результате которого герой (как правило, «низкого» происхождения) получает право на власть либо там, откуда он прибыл, либо там, куда он пришел. При этом герой воцаряется после насильственного разрешения властного конфликта либо со старым правителем, либо с тестем.

Этот же мотив в осетинской волшебной сказке развивается по другим канонам, заметно отличающимся от европейских. Обращает на себя внимание, во-первых, нераспространенность самого мотива, во-вторых, неактуализированность задачи «воцарения» как таковой: эта возможность, возникающая в ходе сказочного повествования, представляется герою как бы по пути к достижению неких иных целей, манифестируемых в начале повествования. Другая специфическая особенность «воцарения», фиксируемая в осетинской волшебной сказ-

ке, — зависимость целевой направленности сказочного сюжета от происхождения и социального статуса героя.

Различия в структурно-композиционном плане повествования, целевой обусловленности действий главного героя и ряд других значимых характеристик позволяют выделить в осетинской волшебной сказке как минимум три варианта развития мотива воцарения, свидетельствующих о разной степени его трансформации. Два из них выделяются по текстам, где в качестве героя выступает представитель знатного сословия. Наградой за его необыкновенные деяния становится овеществленное богатство, с которым он и возвращается домой (с женой или без нее), где и «воцаряется» «по праву наследования». Конечная цель его поступков — укрепить свое имущественное и общественное положение.

Третий вариант вырисовывается в сказках, где действует «низкий» герой. Основная его задача — приобретение богатства (восполнение недостачи). Однако, предоставляя герою возможность воцарения, сказка оправдывает его притязания прозрачными намеками на особые (магические) характеристики. Справившись с трудными задачами, он может не только жениться, но и «воцариться» совершенно мирным путем, получив в качестве благодарности «место» *алдара* в «некотором ханстве». Но герой сознательно отвергает блестящую возможность повысить свой социальный статус, предпочитая этому возвращение домой с добытыми по пути «туда» женами и прихваченным по пути «обратно» добром.

О трансформации классической парадигмы воцарения свидетельствует также и алогичность сказочного разрешения сюжета. Являясь в ряде вариантов центральной осью повествования, женитьба героя на царевне в концовке, как правило, перестает рассматриваться в качестве закономерной и достойной награды: оказавшись в высшей степени непоследовательным, герой оставляет добытую с таким трудом жену где-то на пути домой. Чаще действительной наградой герою за его необыкновенные подвиги становится овеществленное богатство, с которым он возвращается в свое родное царство, оставив жену у здравствующего тестя или где-то на пути домой.

Итогом, венчающим сказочную деятельность героя, главным образом оказывается приобретенное имущество, которое либо латает дыры в бедняцком хозяйстве, либо приумножает благополучие выходцев из знатного сословия. Иначе говоря, парадигма воцарения в осетинской волшебной сказке сводится к парадигме обладания. Подобную инверсию В.Я. Пропп определяет стремлением к саморедуцированной форме воцарения героя (Пропп 1969: 151): мотив «обладания» становится редуцированным, «низшим» проявлением «воцарения», отражая динамику внутреннего развития волшебной сказки как таковой. На наш взгляд, «смена парадигмы» в осетинской волшебной сказке косвенным образом связана и с явлениями социального порядка, которые в свою

очередь детерминировали в этническом сознании в качестве основных определенные ценностные ориентиры и наиболее приемлемые поведенческие установки. В данном контексте возвращение героя в «свой» мир — наиболее устойчивый финальный рефрен в осетинской волшебной сказке — соотносится с одним из наиболее устойчивых поведенческих стереотипов: обязательность возвращения в свой макро- и микро-социум.

В традиционном осетинском обществе проблемы «наследования власти» в принципе не существовало, а прочность межсословных и межстатусных перегородок не подвергалась испытаниям. Отсюда и расстановка смысловых акцентов в осетинской сказке. И если композиционная схема развития сюжетного типа, связанного с воцарением героя, частично сохранена, то результаты, обычно венчающие подобное его развитие в классической европейской волшебной сказке, в осетинском варианте алогичны, находясь в сфере сугубо практического интереса. Сказка потеряла архетипическую цельность, а социальная конкретика, заместив мифологические архетипы сознания, актуализировалась в более понятных и практически значимых для социума ситуациях и ценностях, обозначенных посредством сказочного финала.

Библиография

Пропн В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

Д.С. Бугаев

ВОЕННЫЕ НАЕМНИКИ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КАРТЛИ-КАХЕТИНСКОМ ЦАРСТВЕ

Первые работы по положению народов Северного Кавказа в Картли-Кахетии появились в конце XVIII в. Их авторами были путешественники, исследователи и представители военного ведомства Российской империи, а также других европейских и азиатских государств. В середине XX в. появились работы по контактам Грузии с каким-либо одним из северокавказских народов в определенный период (Тогошвили 1959; Шавхелишвили 1963). Научный интерес к политико-админи-